

Судьба несостоявшегося краеведа

7 февраля 1927 г. около четырех часов утра в помещении Псковского губернского архива (Советская площадь, 7) вспыхнул пожар, который уже в половине 7-го был потушен быстро прибывшей пожарной командой. Несмотря на это, пожаром были уничтожены многие редкие печатные издания, относящиеся к 1892-1927 гг., в том числе периода революции 1905-1907 гг., революции 1917 г., германской оккупации и «балаховщины». В день пожара заведующий архивом В.П. Дроздов сообщил в губисполком, что из ящика его письменного стола похищены 1429 руб., предназначавшиеся для приобретения пишущей машинки.¹

Началось следствие, длившееся несколько месяцев, и в результате на скамье подсудимых оказался сам В.П. Дроздов.

Василий Павлович Дроздов родился 13 февраля 1898 г. в Пскове, происходил из крестьянской семьи. Он окончил в Пскове приходское министерское училище, учился некоторое время в учительской семинарии, а затем поступил в художественно-промышленную школу, которую не успел окончить ввиду начавшейся первой мировой войны. Он так и остался на всю жизнь с незаконченным образованием: в некоторых анкетах его в графе «образование» стоит «низшее». Позднее, правда, он сдал экстерном экзамены за V курс школы II ступени и окончил чертежные курсы, что позволило в графе «профессия» указывать - чертежник-топографшик.

В 1915 г. В.П. Дроздов был призван в армию, дослужился до унтер-офицера кавалерии, стал командиром взвода. В 1916 г. за хранение нелегальной литературы он был арестован, получил 50 розог и разжалован в рядовые. Он участвовал в трех рукопашных боях, был трижды ранен, награжден двумя Георгиевскими крестами. После Февральской революции В.П. Дроз-

В.П. Дроздов.

(Из фондов ГАПО. Публикуется впервые).

дов оказался в Пскове, где по поручению ревкома вел агитацию на предприятиях и в воинских частях, выступал на митингах. В марте 1917 г. он вступил в ряды РСДРП. В 1918 г., с началом формирования первых красноармейских отрядов, вступил в Красную Армию. На Псковщине В.П. Дроздов оставался и в период германской интервенции, и во время борьбы между «красными» и «белыми» в 1919 г.; несколько раз с разведывательными целями пробирался в оккупированный Псков, был арестован контрразведкой и подвергался зверским пыткам.

В 1919 г. связь В.П. Дроздова с Псковщиной на несколько лет прервалась. Он продолжал служить в Красной Армии, пройдя путь от бойца до политрука Отдельной интернациональной бригады Южного фронта и командира эскадрона. В.П. Дроздов участвовал в пяти рукопашных боях,

Филимонов Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент Псковского пединститута им. С.М. Кирова

дважды был ранен и дважды представлялся к награждению орденом Красного Знамени. Затем он служил в особом отделе Юго-Западного фронта, после окончания гражданской войны - в железнодорожной охране, окончил школу кремлевских курсантов (школу ВЦИК) в Москве, после чего направлен в органы ЧК-ОГПУ в Сибирь. Из далекого Баргузина осенью 1926 г. он вернулся в Псков и с 1 октября получил новое партийное поручение: Псковский губком ВКП(б) рекомендовал его на должность заведующего губернским архивным бюро.²

На этом посту В.П. Дроздов не только занимался повседневной текущей работой архивного бюро, но и выступил в качестве автора статей по историко-революционной тематике. Уже через месяц после вступления в должность, к очередной годовщине Октябрьской революции в газете «Псковский набат» он опубликовал заметку «В те дни в Пскове»,³ в которой кратко рассказал о расстановке политических сил в октябре 1917 г., о приезде в Псков лидера эсеров В.Чернова [которого он называет почему-то Михаилом. - *А.Ф.*], о выступлении его на митинге буржуазной общественности, а также о большевистском митинге в Народном доме им. А.С. Пушкина, где выступил приехавший из Петрограда Б.П. Позерн. Называет Дроздов имена активных псковских большевиков - Свердлова и Ушарнова, представителей автороты Егорова и Пчелкина, много поработавших в воинских частях. Статья написана, очевидно, по личным воспоминаниям, т.к. никаких указаний на использование документов в ней не просматривается. В.П. Дроздов писал о событиях, свидетелем которых он был. Чувствуется хорошее знание автором города: он точно указывает места, где происходили описываемые им события. Конкретными примерами статья дополняет картину Октябрьских событий 1917 г. в Пскове.

Почти одновременно с газетной заметкой в журнале «Спутник большевика» была опубликована более обстоятельная статья В.П. Дроздова «Балахович в Пскове», посвященная событиям 1919 г., очевидцем которых автор также был. «При составле-

нии статьи я пользовался не только архивным материалом, - пишет автор, - но и воспоминаниями отдельных участников и своими личными». ⁴ Неоднократно, например, ссылается В.П. Дроздов на известную работу члена Северо-Западного белогвардейского правительства В.Л. Горна «Гражданская война на Северо-Западе России» [неясно, впрочем: на книгу, изданную в 1923 г. в Берлине, или же отрывки из нее, опубликованные в «Псковском набате». - *А.Ф.*]. Основное внимание автор уделяет показу личности и действий Булак-Балаховича: приводит факты его биографии, рассказывает о службе в Красной Армии, переходе на сторону белых, зверствах в захваченном Пскове и освобождении города.

В литературе, посвященной событиям гражданской войны на Псковщине, статья В.П. Дроздова была одной из первых. Тем самым, он стоял у истоков историографии этой проблемы.

К сожалению, документальных свидетельств о деятельности В.П. Дроздова на посту заведующего архивом обнаружить не удалось, как и других опубликованных работ, за исключением двух указанных. Возможно, у него были какие-то творческие замыслы, но архивная карьера В.П. Дроздова, продолжавшаяся всего четыре месяца, была прервана уже упомянутым пожаром.

Причина пожара оказалась для следствия непонятной: он случился рано утром в понедельник, печи с 5 февраля в помещении не топили, уборщица М. Лунева с воскресенья 6 февраля дважды (около 6 и 10 часов) заходила в канцелярию и ничего подозрительного не обнаружила. Горючих веществ, за исключением свечей, в помещении архива не было. От электропроводки пожар возникнуть не мог, т.к. электричеством в эти дни не пользовались, и находилась проводка в углу, противоположном от места загорания.⁵ Вот тогда-то и родилась версия о поджоге.

Следствие выявило немало нарушений финансовой дисциплины со стороны заведующего В.П. Дроздова, который «не стремился поставить денежную отчетность на должную высоту, вел самолично кассовую книгу, хранил все денежные суммы у себя, не

открывал в финорганах соответствующего счета, хотя по инструкции и циркулярам Централхива обязан был открыть счет в банке или губфо». Допустил якобы Дроздов и необоснованную растрату командировочных средств, принял на работу секретарем губархбюро помимо биржи труда своего зятя П.Д. Кустова.⁶

Нарушения, очевидно, в действительности имели место, но в таком случае можно сделать упрек и губкому ВКП(б), рекомендовавшему на ответственную должность человека, не только являвшегося новичком в архивном деле, но и недостаточно искусственного в финансовых вопросах, а вдобавок ко всему большого неврастений.⁷

И вот этот человек, как записано в решении суда, «задумал скрыть следы преступления, для чего в субботу вечером около 6 часов пришел в архив, где в то время уборщица Лунева мыла полы в канцелярии, прошел к себе в кабинет и минут через 20 стал уходить, припечатав дверь кабинета сургучной печатью, что делалось всегда, а свечку, которой топил сургуч, не погасив, поставил горящей на стол секретаря Кустова, где лежали бумаги, а сам ушел. Сторожиха же Лунева, заметив горящий огарок свечи, потушила его и, закрыв архив, ушла домой, причем ранее при припечатывании двери огарок свечи всегда клался на окно. По показаниям той же Луневой ключ от наружной двери архива брал ранее Дроздов... Не отрицал этого и сам Дроздов».⁸

Как видим, убедительных доказательств поджога архива Дроздовым в вышеприведенных строчках нет, как нет и свидетельских показаний. Обвинения строились во многом на предположениях, догадках и сопоставлениях обстоятельств. Подозрение вызвало и сообщение пожарных о том, что с прибытием пожарной машины «через 2-4 минуты после первой, Дроздов был уже на пожаре, держался спокойно и на вопрос о ценностях в горящем помещении ответил, что ничего нет, горят бесценные бумаги». Естественно, у следствия возникло предположение о возможном поджигателе. Иначе как мог Дроздов так быстро оказаться на месте пожара?! (Проживал он на Плехановском посаде). Во время пожара здание архива было оцеплено войсками,

вещи охранялись милицией, ящик стола, из которого, как заявил Дроздов, были похищены деньги, оказался не закрытым на замок, «последний же был в исправности и без следов взлома». Следовательно, денег либо не было вообще, либо их взял накануне Дроздов. Поэтому по совокупности изложенного вывод следствия прозвучал однозначно: «дабы скрыть растрату, Дроздов в ночь на 7 февраля, стараясь быть все время в обществе и улучив момент, пробрался в архив, поджег таковой, предварительно наложил бумаги на стол свидетеля Эгле, чем причинил государству ущерб порчей помещения и инвентаря на сумму 874 руб. 88 коп., а также пожаром уничтожено до 100 пудов печатных изданий...» Последние в силу их исторической ценности стоимостной оценке не поддавались.⁹

15 июня 1927 г. Псковский губернский суд на основании представленного заключения приговорил В.П. Дроздова к четырем годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на такой же срок и взысканию с него убытков на сумму 2 тыс. 424 руб. (ущерб от поджога и допущенная растрата). Соучастником растраты был признан и Д.П. Кустов, приговоренный к одному году лишения свободы условно.¹⁰

5 июля 1927 г. бюро Псковского горрайкома ВКП(б), учитывая факт осуждения В.П. Дроздова и добавив обвинение в «двоеженстве» (Дроздов вступил в брак, не оформив официально развода в первой женой), исключило его из рядов партии.¹¹

В.П. Дроздов, с 8 февраля 1927 г. находившийся в Псковском губернском исправдоме, в ноябре того же года обратился с письмом в ЦК ВКП(б), в котором, считая решение суда незаконным, а обвинения надуманными, просил вмешаться в его судьбу. Текст письма, в котором В.П. Дроздов приводит дополнительные факты своей биографии, публикуется ниже. Строки его лучше любых исследований прольют свет на случившееся, ярче всего представят жизненный путь этого 29-летнего человека. Но скорее всего, письмо до ЦК ВКП(б) не дошло, т.к. подшито в деле губернской контрольной комиссии с регистрационным номером этого учреждения.

Дальнейшую судьбу В.П. Дроздова проследить не удалось.

Примечания

1. Псковский набат, 1927, 17 мая.
 2. ГАПО, ф.1132, оп.1, д.1, лл.2-3; ПОЦАДПОД, ф.2, оп.2, д.724, лл.43,45.
 3. Псковский набат, 1926, 7 ноября.
 4. Спутник большевика, 1926, №10-11 (62-63). С.68.
 5. Псковский набат, 1927, 17 мая; ПОЦАДПОД, ф.2, оп.2, д.724, л.37.
 6. ПОЦАДПОД, ф.2, оп.2, д.724, л.36.
 7. Там же. Л.9.
 8. Там же. Л.36.
 9. Там же. Л.37.
 10. Там же. Лл.36,38; Псковский набат, 1927, 16 июня.
 11. ПОЦАДПОД, ф.2, оп.2, д.724, лл.2,10.
-

Приложение

В ЦК ВКП(б) от содержащегося при Псковском окритдоме заключенного Дроздова В.П.

Заявление

Товарищи! Простите, что в трудную минуту Вашей работы на поприще укрепления нашего рабочего государства я оторву Ваше внимание этим своим заявлением. Но, дорогие товарищи, во имя правды и искания справедливости я вижу единственный выход в сообщении Вам, как по воле слепой буквы «Псковской законности» могут очернить честного человека, забросать его в глазах масс грязью.

Находясь в рядах ВКП(б) с 1917 г., я честно исполнял свой долг партийца как на фронтах гражданской войны, так и в последующей своей службе, и вдруг на 10-м году Величия Диктатуры пролетариата я незаслуженно брошен за решетку, где, как видно, и придется окончить свою жизнь, ибо ко всем своим ранам здесь я еще получил туберкулез.

Для того, чтобы вам, дорогие товарищи, было ясно мое дело, в котором так усиленно пытаются меня обвинить судебские работники г.Пскова, я остановлюсь немного на самом себе, для того, чтобы вы могли взвесить меня, как человека, и мог ли я после всех мук и страданий продать свою совесть тому преступлению, которое мне поставлено в вину.

Родился я в бедной крестьянской семье, из-за малоземелья отец жил в городе в сторожах на 12 рублей в месяц при 7 человеках семьи. Частые болезни отца заставляли меня, ребенка 7-8 лет, таскать господам дрова по 1/2 саж. на 4-й этаж, чистить сапоги, носить помой и т.д., одновременно я должен был учиться. Не было ни радостных дней детства, булку белую и ту видел раза три в год. И вот такое время тянулось до 1913 г., когда мне исполнилось 16 лет. Отец, чтобы избавиться от лишнего рта, определяет меня в школу наездников (мальчиком на конюшне), где я и пробыл до 1914 г., до объявления войны.

Когда школу реорганизовали, я попал в 9-й запасной Кавказский полк в Петрограде, где был до 1915 г., а оттуда с маршевым эскадроном попал в 20-й драгунский финляндский полк за Ригу, где и служил до 1917 г., 20 августа. Когда сдали немцам Ригу, я был сильно контужен, лежал в 18-м запасном госпитале и по выздоровлении работал в Псковском ревкоме до сдачи Пскова немцам в феврале месяце 1918 г. Отступив после боя в сторону ст.Торошино, по заданию разведывательного характера комиссара Торошинского боевого участка т.Федюхина ходил во Псков раза три, и вот в сентябре 1918 г. я был на улице Пскова опознан одним белым офицером, неким Корсуновым, как коммунист и отправлен в контрразведку белых, где я был подвергнут нечеловеческим пыткам, которых не всяким описать даже пером. Меня ставили на раскаленные угли, прибивали гвоздями руки, прожигали ноги

и т.д. и в финале расстреляли, выбросили в торфяную яму за городом. Но по счастливой случайности я остался жив и голый, в крови добрался до своих до ст.Торошино, откуда с почестями был отправлен в лазарет. Выздоровев, я уехал на Южный фронт в распоряжение штаба 12-й армии, а оттуда был назначен и в отдельную Кавдивизию Правобережной группы войск Украины, участвуя в боях под Киевом с деникинцами, лично руководил налетом на 49-ю якутскую дивизию белых, штаб которых помещался в дер.Княжий двор, около ст.Дарница. В налете участвовало 11 человек красных бойцов. Было забрано несколько десятков пулеметов, пленных и т.д. За этот набег я был представлен к ордену Красного Знамени. Но через некоторое время попал в плен к деникинцам и после разных избиений бежал из плена и прошел тылом таковых 560 верст.

Вывавшись из плена, болел два раза тифом, а с 1920 по 1921 г. включительно служил в особом отделе штаба Юго-Западного фронта в Харькове на разных ответственных должностях. В 1922 г. служил в Кремле в 1-й объединенной школе им. ВЦИК, но открывшиеся раны оторвали меня от учебы, и я проболел целый год.

1924, 25 и 1926 гг. служил в Екатеринославе на Екатерининской железной дороге по охране денежных сумм, потом уехал в Забайкалье, работал в ОГПУ уполномоченным, и в конце 1926 г. приехал в Псков, где служил зав.губархивом.

С революционным движением познакомился еще в 1916 г. Будучи на фронте, я один раз ночью, во время прогулки увидел одного солдата, который разбрасывал прокламации РСДРП Латвии. Он мне дал 4 штуки, объяснил их значение, и вот здесь-то проснулась во мне ненависть к буржуазному строю, раскрылись все раны оскорблений побоями господ в ранние детские годы. Но во время обыска в эскадроне, в седле моем были найдены эти прокламации, и мне в первый день Рождества было сыпано 50 розог.

Дорогие товарищи! Вы не думайте, что я, описывая Вам свою сотую часть всех мук и страданий моей жизни, хочу выставить себя чем-то особенно легендарным. Нет, я только прошу вас взвесить мою честную службу, преданность Революции, бросить это на весы правосудия, и уже тогда судите меня за приписываемые мне обвинения. Мог ли я изменить тому делу, за что пролил столько крови? Мне сейчас приписывают обвинение, что я, будучи на службе в губархиве, растратил 1550 руб., и, чтобы скрыть растрату, поджег таковой архив.

Когда случилось это несчастье, на меня посыпались клеветнические чудовищные обвинения, основанные на догадках и лживых наговорах, и следственный аппарат стал на их точку зрения и повел по этому пути следствие, а мне же, на все мои ходатайства как в вызове дополнительных свидетелей, очных ставках с лжесвидетелями, в ходатайствах разного рода везде следствие отказывало, и построило дело так, что, не найдя истинных виновников, отыгралось на мне, и вот приговор: 4 года строгой изоляции и 4 года поражения в правах и отказ от применения амнистии 10-й годовщины величия первого в мире Октября.

Дорогие товарищи! Услышьте хоть вы крик безвинной отчаянной души человека! Где мне, как не у вас, искать истины и правды?! Ведь если в капиталистической юстиции существует произвол, где за стечение обстоятельств умерщвляют безвинных наших товарищей, так неужели из-за близорукости «Псковской революционной законности» должен погибнуть человек, которого люди, судившие его, не стоят и подметки. Умоляю вас, будьте хоть вы беспристрастными судьями в моем несчастье поймите меня, как человека, как честного бойца рядов ВКП(б). Надеюсь, что моя просьба не останется гласом вопиющего в пустыне, и вы посетите меня в моем заточении, где перед вами откроется еще большая картина моей невинности, ибо все не описать, нет сил. Все описанное мною, если надо, вам подтвердится свидетелями, которые были со мною в те годы моих страданий. А со своей стороны, если я вам что-либо солгал хоть в одном слове - расстреляйте лучше меня, ибо страдать ни за что для человека безупречной службы Революции - выше всяких сил.

12.XI.27 г. Дроздов
ПОЦАДПОД, ф.2, оп.2, д.724, лл.41-42)